

Жанна Светлова

Была только любовь

Воспоминания
о блокаде

16+

Жанна Светлова

**Была только любовь.
Воспоминания о блокаде**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Светлова Ж.

Была только любовь. Воспоминания о блокаде / Ж. Светлова —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1763-1

«Была только любовь» – это книга о жителях Ленинграда, выстоявших в блокаду, несмотря на все ее ужасы: голод, холод, бомбежки, смерть близких людей, и победивших, потому что сердца их были полны Любви и Веры.
Вечная им Память!

ISBN 978-5-5321-1763-1

© Светлова Ж., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Родителям моим посвящается

Из жизни ленинградской коммуналки

Повесть

Глава 1

Софья Сергеевна Арсеньева проснулась, открыла глаза и уставилась в потолок, давно не беленный, перевела взор на окно, за которым серело ленинградское небо, на тучи, готовые пролиться на головы горожан, и поняла, что ей не хочется вставать, не хочется начинать новый день, вообще ничего не хочется. Именно сегодня, когда ей стукнуло пятьдесят лет, ей стало совершенно ясно, что жизнь прожита зря, что она устала жить среди этих чужих людей, бороться с их хамством, невежеством, грязью. Ей все безумно надоело.

Ну почему на ее долю выпало столько горя? Мамочка умерла, рожая ее, и она всегда считала себя виновницей ее смерти.

Папочка, любивший жену и так и не женившийся больше, отдавал всю свою любовь дочери, несмотря на трудную морскую службу. Он ведь был не простым моряком, а адмиралом русского флота. Он погиб от рук анархистов.

Сергей Александрович Арсеньев встретил революцию с надеждой на лучшие времена для русского народа, которому он всегда искренне сочувствовал. Народу талантливому, но совершенно бесправному, подвергнутому бесчеловечной эксплуатации.

Почти сразу после революции адмирал освободил три комнаты из занимаемых его семьей семи, чтобы поселить в них семьи портовых рабочих.

Молоденькая Софья полностью разделяла взгляды отца, стараясь создать для этих людей самые хорошие условия. После гибели своего жениха на фронте Первой мировой войны она хотела всю себя отдать служению своему народу, своей стране.

Девушка с радостью устраивала быт дорогих соседей, помогала им возиться с детьми, учила детей грамоте, музыке, этике.

Соседи, казалось, платили ей тоже своим добрым расположением к ней.

Тут следует познакомить читателей с этими людьми.

Итак, адмирал Арсеньев добровольно создал из части занимаемого им дома коммунальную квартиру, предоставив свою площадь людям, которым практически не было где жить.

Семья Демьяновых: Ипполит Николаевич и Елена Анатольевна были первыми поселенцами в его квартире. Елена была в положении и очень тяжело переносила беременность.

Софья, окончившая Смольный институт благородных девиц, а теперь работающая в Смольном машинисткой, имевшая неплохие познания в медицине и в акушерстве, в частности, старалась использовать все свои знания для облегчения участи Елены.

Самая большая комната была отдана семье слесаря Воротникова Семена Васильевича. У них с женой Верой уже имелся годовалый сыночек – Володя. Заниматься этим ребенком для Софьи было большим счастьем.

В третьей комнате разместился инженер Соловьев Павел Матвеевич. Он жил один. У него признали туберкулез. Он страдал жуткими приступами кашля и невероятной слабостью. Но человеком он был прекрасным, а главное – талантливым инженером. К сожалению, он прожил всего семь лет после переезда в квартиру адмирала.

Последние дни своей жизни Павел Матвеевич нуждался в постоянном уходе. В качестве помощницы он пригласил свою дальнюю родственницу Зою, то ли племянницу двоюродного брата, то ли его падчерицу. После смерти Павла Матвеевича Софья помогла девушке прописаться и получить комнату родственника.

Именно эта девица стала первой головной болью Софьи и других соседей.

После гибели отца Софья всю свою любовь отдала детям соседей: дочери Елены и Ипполита, умершего, когда девочке было всего три годика, Нине и сыну Воротниковых – Володе.

Софья учила их грамоте, иностранным языкам, которыми она владела в совершенстве (французскому, английскому и немецкому, не столь безукоризненно она владела испанским и итальянским), музыке, танцам, этике, рисованию.

Человеком Софья была всесторонне развитым. Она сочиняла стихи, музыкальные пьесы, прекрасно рисовала и замечательно танцевала, прекрасно владела машинописью.

Дети ее обожали. Она была крестной матерью Нины, поэтому переживала за девочку не меньше Елены, особенно после смерти главы их семейства.

Успехи детей радовали ее чрезвычайно. Особенно впечатлял своими способностями маленький Владимир. Он схватывал все налету, прекрасно осваивал языки, и они с Софьей могли часами разговаривать на французском, читать вместе книги на английском и немецком. Мальчик был просто влюблен в свою молодую и красивую наставницу. Он старался ни в чем не разочаровывать ее. На половине Софьи он находился значительно больше, чем в комнате родителей.

Но шли годы, и Нина буквально выскочила замуж за простого рабочего парня, с которым познакомилась на танцах.

Иван Рябов не вызывал симпатии ни своим внешним видом, ни тем более манерами и поведением. Он любил выпить, покурлесить, неприлично сквернословил и считал, что таких буржуев, как Софья, следует ссылать на каторгу. Хотя на свадьбу своей крестной дочери эта «буржуйка» преподнесла молодым царский подарок – она освободила свой музыкальный салон, перевезла рояль в кабинет отца и подарила им комнату.

Однако Ивану Рябову этого было мало, он постоянно твердил своей жене, что «старуха» могла бы отдать им после рождения дочери Марии свою спальню. При этом он не стеснялся в выражениях, называя Софью то недорезанной буржуйкой, то старой ведьмой, а чаще и еще изощреннее.

К десяти годам его дочь Мария тоже считала Софью вредной старухой и вместе с отцом и соседкой Зоей всегда выступала против Софьи Сергеевны. И это несмотря на то, что именно Софья помогала бабушке Елене и ее матери Нине, материально поддерживая их семью.

Елена Анатольевна постоянно ссорилась с зятем и внучкой из-за их неблагодарности. Она говорила им, что всем хорошим в жизни их семья обязана Софье. Иван Рябов при этом заявлял:

– Вот потому вы и потратили на эту буржуйку в качестве домработницы всю свою жизнь.

– Я делаю это с радостью, из любви и благодарности к Софье, видя, как много она работает и как старается облегчить и украсить жизнь других людей.

Вот в такой обстановке и встретила свой юбилей Софья Сергеевна Арсеньева в мае 1941 года.

Следует заметить, что ее крестная дочь Нина как-то отдалилась от нее. Да и сама Софья тоже не стремилась к прежней близости. Муж Нины вызывал в ней чувство жалости к крестнице, хотя она никогда ничего не говорила Нине по поводу ее мужа.

Елена Анатольевна очень переживала за дочь, за ее неблагодарность и черствость по отношению к Софье. Сама она, не считаясь, оказывала услуги Софье: мыла квартиру в ее очередь, ходила за продуктами для соседки, часто готовила ужины и обеды для нее. Зять кипел от злости.

– Что твоя мать, – говорил он Нине, – крепостная у этой барыни?

Но Елена резко обрывала подобные разговоры.

Итак, приказав себе собраться и не распускать нюни, Софья поднялась и вышла на общую кухню, где Елена Анатольевна уже пекла ее любимый пирог по случаю дня рождения. Здесь же крутилась и Зоя.

Дня три назад Зоя жарила рыбу, а стол с остатками муки, в которой она рыбу обваливала, так и стоял грязным.

– Зоя, вам не кажется, что после приготовления рыбы стол следовало вымыть незамедлительно? Иначе у нас на кухне заведутся тараканы! Возможно, лично вас это не пугает, но позволю себе заметить, что вы живете не в отдельной квартире, а в коммунальной, где кухня у соседней, к сожалению, общая. Это обязывает всех нас соблюдать неизменно чистоту и порядок.

Софья не смогла сдержать себя и сделала это замечание соседке, прекрасно понимая, что та не станет прислушиваться к ее словам.

Елена тут же поддержала соседку.

– Кстати, – сказала она, – хочу вам напомнить, милая, что вы забыли вымыть полы, хотя ваша очередь уже на исходе.

Неряшливая Зоя, растрепанная, в старом рваном халате, огрызнулась:

– Когда будет время, тогда и вымою.

– Нет, дорогая соседка, – строго сказала Софья Сергеевна, – вы сделаете это сегодня же, иначе мы будем вынуждены обратиться в жилищную комиссию с просьбой лишить вас занимаемой площади. И еще, приглашая к себе на ночь мужчин, ведите себя тише воды, ниже травы, иначе за аморальное поведение вас могут попросить не только квартиру оставить, но и выехать из города.

Сказав это, Софья Сергеевна вышла из кухни.

– Сволочь! – вслед ей сказала Зоя.

– Прекратите! – оборвала ее Елена Анатольевна. – Учитесь жить по-человечески, – добавила она и тоже ушла в свою комнату.

– Вот жабы старые, чтобы вы сдохли скорее! – пробурчал Зоя, но быстро наполнила ведро водой и принялась мыть полы.

Войдя к себе, Софья постаралась сбросить с себя всю грязь коммунальных склок, но сегодня ей это никак не удавалось.

Она вдруг увидела себя в осеннем Биаррице.

Атлантический океан, его прозрачные, изумрудные волны, яркое синее небо и чувство невероятного счастья. Какое это было доброе и светлое время!

Первая любовь, первый поцелуй. Андрей – чудный принц! Всегда доброжелательный, подтянутый, неизменно вежливый со всеми.

Она увидела его, преклонившего колени и протянувшего ей букет чайных роз. Глаза его искрятся любовью и лаской, голос взволнованный.

– Будь моей женой, Софья! – торжественно произносит он.

И она отвечает:

– Я согласна!

В тот день состоялось их обручение.

А потом – Первая мировая война! И их мечтам не суждено было осуществиться.

Судьба баловала ее совсем недолго.

Итак, в квартире Арсеньева появилась дружная оппозиция Софье в лице Ивана Рябова, его дочери Марии и соседки Зои.

Елена Анатольевна всей душой любила свою соседку и поддерживала ее. На стороне Софьи всегда была семья Воротниковых, сын которых вообще за Софью готов был свою жизнь отдать.

В середине июня в квартире разгорелся нешуточный скандал.

Вернувшаяся раньше времени с работы Нина застучала в своей постели Ивана в объятиях Зойки. При этом наглая соседка без стеснения заявила:

– Мы с Иваном намерены пожениться. У нас скоро будет ребенок. Так что бери свою дочку в охапку, вали из этой комнаты к своей сукке-мамочке!

Всего-то и делов: «Вали отсюда!».

Всегда сдержанная Елена Анатольевна, вышедшая на крики из своей комнаты, схватила швабру и ударила ею Зойку по голове. Та упала и взвыла от боли:

– Что ты стоишь, Иван, огрей эту старую сволочь и вышвырни ее из нашей комнаты!

Но Иван повел себя явно не по-рыцарски. Он наклонился к все еще лежащей на полу любовнице и врезал ей что было мочи в скулу. Та завизжала, как недорезанная свинья, а он прохрипел:

– Заткнись, паскуда! У б...! Не дождешься! Не верь ей, Ниночка! – взмолился он, встав перед женой на колени. – Эта сука ко мне сама в постель залезла. Неужели ты думаешь, мне такая б... нужна?

Нина стояла белая как мел. Она плюнула мужу в лицо и вышла, не сказав ни слова.

Пришедшая во время скандала из школы Мария с ужасом наблюдала эту сцену.

– Доченька! – бросился к ней Иван. – Я никогда вас с мамой не брошу. Не слушай эту тварь! – И он пнул лежащую на полу Зойку.

– Ты мне больше не отец! – со слезами на глазах ответила дочь.

Появившаяся на шум Софья Сергеевна усадила на стул Елену, еле стоявшую возле поверженной Зойки, налила ей воды и заставила женщину выпить ее. Затем она обратилась к Зое.

– Вставайте! Неужели вам не стыдно?! – спросила она, с презрением обращаясь к Ивану. – Даже своей дочери не постеснялись!

Иван вдруг опустил голову и заплакал.

– Да, я подонок! Простите меня, Софья Сергеевна!

Софья ничего не ответила, она обняла Елену и повела ее к себе. Мария выбежала за ними.

Избитая и оплеванная Зойка поползла к своей комнате.

В гостиной у Софьи с Еленой началась истерика. Софья дала ей валерьянки и приготовила по чашке чая.

Успокоившись, Елена сказала:

– Соня, я больше не в силах смотреть на все это! У меня нервы не выдерживают.

– Ты давно знала об их связи? – спросила та подругу.

– Да! – с горечью ответила Елена.

– Почему не поговорила с ним? Он же твой зять!

– Я не знала, как ему сказать. Боялась сорваться и влепить ему пощечину. Моя бы воля, я бы его на порог не пустила!

Софья задумалась: «Как все пошло! Лучше уж всю жизнь быть одной, чем окунуться в такую грязь».

В комнату беззвучно вошла Нина. Она подошла к Софье и сказала:

– Простите меня, тетя Соня. Я знаю, какую боль причинила вам тем, что так отдалилась от вас. Причина здесь одна. Мне всегда было стыдно за мою семью перед вами. Но теперь я, наконец, свободна! Завтра же я подам на развод. Хочу заниматься музыкой! Вы мне поможете?

– Конечно, Нинок! – ответила Софья.

Нина подошла к матери и стала целовать ее волосы, лицо, руки.

– Прости меня! Я молчала во время ваших ссор, потому что боялась опуститься до его уровня и сказать что-нибудь гадкое.

– Господи! Неужели ты услышал мои молитвы? – сказала мать. – Сонечка, – обратилась она к своему самому близкому человеку. – Что бы мы без тебя делали? Я так благодарна Богу, что он послал нам тебя!

– Да брось ты, Елена! – сказала Софья.

В дверь постучали, и робко вошла Мария.

– Можно мне к вам?

– Заходи! – приветливо ответила хозяйка. Она быстро поставила на стол еще две чашки, печенье, сухофрукты и пригласила всех к столу. Женщины так и просидели в ее комнате до самой ночи.

А через день началась война.

Глава 2

Иван Рябов, выйдя из дома, не разбирая дороги побрел куда глаза глядят. На сердце было так тяжело, что он не находил себе места. Впервые в жизни он узнал, как может болеть душа, о присутствии которой он и не подозревал ранее. Сейчас он внезапно понял, что жить без семьи просто не сможет. Ему было нестерпимо стыдно перед женой и дочерью, перед тещей, которая не любила его, и он знал об этом. Но более всего ему почему-то было стыдно перед Софьей Сергеевной. С чего это, он и сам не мог понять.

Когда она вышла на кухню и с нескрываемой брезгливостью взглянула на него и эту гадину, его как будто кипятком окатили.

«Какое мне дело до ее мнения обо мне, она всегда меня презирала, – старался он успокоить себя. – Подумаешь, судья! Плевать я хотел на ее взгляды и слова!»

Но всем сердцем он чувствовал, что все это никому не нужная бравада, что он старается обмануть себя самого, что, несмотря на все гадости, которые он говорил о ней, нет на свете женщины более достойной уважения, чем она. Ему вдруг вспомнились все слова, которые он говорил о ней вместо благодарности за ее заботу о них, и он ощутил себя животным, омерзительным и ничтожным перед ее благородством, ее простой любовью к ближнему. Как эта чужая вроде бы женщина отдавала свое, чтобы им жилось лучше, устраивала им праздники, учила всему прекрасному детей, радовалась их счастьем и успехам.

Именно это ее благородство и превосходство перед невежеством вызывало в нем ревность и ненависть за свою неспособность испытывать столь высокие чувства.

Он вдруг осознал это и содрогнулся от этого. «Да, в ее присутствии я ощущал себя пигмеем и старался мстить ей за ее благородство. Но она даже этого не замечала и платила постоянным желанием помочь».

Он не узнавал себя. «Что со мной?» – задавал себе вопрос, потрясенный этими мыслями Иван.

На кон была поставлена судьба его семейной жизни, а он думал о своем ничтожестве по сравнению с этой недостижимой женщиной. Он даже был не в состоянии обругать Софью каким-нибудь скверным словом.

«Но ведь я мог бы добиться ее уважения, жить по ее принципам, даже дружить с ней.

Стараться жить по богоугодным принципам, как живет она, – поправил он себя. – Ведь моя жена, моя любимая жена, просто боготворит ее. Как она страдала от моих слов о ней! Я же знал это, но старался ее и тещу уязвить, позлить и делал все им назло. Вот ведь где корень моего падения. Как же я не понимал, что жене просто стыдно за меня, что именно поэтому она отгородилась от дорогого ей человека.

А я и рад был. “Моя взяла! Я победил!”

Но я проиграл. Жена презирает меня, дочь отказалась от меня.

Господи, хоть Ты не оставь меня грешника!» – взмолился он.

Ему было так горько, хоть в петлю лезь. Но все же на него сошло просветление. И это был шанс начать все сначала. «Да, это шанс стать человеком», – решил он.

Домой пока возвращаться нельзя. Поехать бы к матери в Сестрорецк, но денег на билет нет.

Размышляя таким образом, он огляделся вокруг и обнаружил, что сидит во дворе своего бывшего одноклассника Федора, с которым дружил в школе. «Вот кто может меня выручить», – подумал Иван и решительно направился к знакомой квартире.

Ему открыл сам Федор. Он так искренне обрадовался его приходу, что Ивану стало даже стыдно за то, что он столько лет не заходил к другу.

«Если бы ты знал, друг, – пришло ему внезапно в голову, – какой скотиной я стал, наверное, и руки бы не подал».

Федор провел его сразу на кухню, угостил чаем с бутербродами и сам предложил ему остаться у него ночевать.

– Мама на даче, – рассказывал Федор. – Куда тебе идти на ночь глядя, тем более после ссоры с женой.

– Слушай, а ты не мог бы мне помочь на даче забор поправить, а то я все маме обещаю, а дел на работе по горло и один за выходной я с этим делом вряд ли управлюсь. Может, махнуть нам вместе на дачу в выходной.

– С удовольствием, – радостно согласился Иван тому, что все так здорово у него устраивается.

– А ты, – сказал он другу, – отнесешь письмо моей Нинке? Я сегодня за ночь напишу ей, какой я гад, и пусть решает, что со мной делать.

– Да само собой, нет вопроса! – обрадовался хозяин. – Я ей расскажу, какой ты замечательный человек, – довольный, что Иван согласился ему помочь, говорил Федор.

– Вот это не надо! – грустно попросил Иван.

Друзья еще часок поболтали, вспомнили всех одноклассников и разошлись по комнатам. Зал и диван были отданы в распоряжение Ивана, а сам Федор улегся в комнате матушки.

Утром друзья отправились на вокзал и, приехав на дачу, быстро восстановили повалившийся забор.

Анастасия Ивановна – мать Федора – наготовила мужикам котлет, напекла пирогов и усадила за стол.

Федор предложил выпить пивка за то, чтобы забор хорошо стоял, но Анастасия Ивановна сказала, что забор пивом не обмывают, что по такому случаю не грех выпить по сто грамм водочки.

Дружно подняли стопки, но дверь дома внезапно распахнулась, и вбежала соседка Маруся.

– Анастасия Ивановна! – выкрикнула она. – Война началась! По радио объявили.

Поднялась суматоха, женщины плакали, а мужчины помчались на станцию, чтобы успеть попасть в военкомат.

Глава 3

Нина, как и обещала, написала заявление в суд на расторжение брака с Иваном. Поскольку день был выходной, то идти в суд она решила завтра с утра.

Софья Сергеевна посоветовала ей все же подумать получше, прежде чем окончательно рвать отношения.

– А чего думать-то? – сказала Нина. – Вот и ночевать домой не явился, значит, продолжает где-то гулять. Сколько можно терпеть? Нет, я уже давно все обдумала. Не хочу в этой грязи жить дальше.

Зойка из своей комнаты вообще не выходила. После того как Иван двинул ей по лицу, у нее оно все распухло. Голова болела так, что никакой аспирин не помогал. Она обмотала голову мокрым полотенцем и старалась лежать неподвижно, но боль не утихала. Ее душила обида, боль, злоба. Злоба на всех, на эту неудавшуюся жизнь, на недоумка-алкаша соседа, так по-свински обошедшегося с ней, на его тварь жену, на старую ведьму, тещу этого ублюдка, на всех мужиков вообще, имевших ее, но не желавших жениться на ней.

От таких мыслей голова просто разламывалась.

Ее мутило. Она кое-как поднялась с постели, налила из графина стакан воды, добавила ложку клюквенного варенья. Выпила. Ее вырвало тут же прямо на пол.

Крадучись, она пробралась в кухню, набрала ведро воды, чтобы вымыть комнату. Кое-как вымыла, и ее тут же снова вырвало.

Что делать? Сил никаких нет.

Она снова вымыла пол и опять все повторилось. Запах выполз из ее комнаты и распространился по квартире. Несчастливая Зоя схватила одеколон и стала поливать полы в коридоре. Получилось еще хуже. Женщина опять набрала чистой воды для мытья полов, но новый приступ рвоты не дал ей осуществить задуманное. Тогда Зоя уселась на пол и завывала от досады, боли и приступов рвоты.

Софья задремала лишь под утро, проснулась от непонятных звуков и отвратительного запаха.

Ничего не понимая, она накинула халатик и вышла в коридор. Обрушившийся на нее запах чуть не лишил ее чувств. Закрыв нос платком и дойдя до комнаты Зои, Софья поняла, что и звуки, и запах исходят отсюда. За дверью то блевали, то выли.

– Что это, Господи? – в нерешительности остановилась она у двери соседки.

Тут кто-то тронул ее за локоть, и испугавшаяся Софья вскрикнула.

Оказалось, что это Елена, которая тоже не спала всю ночь и, услышав что-то подозрительное, решила проверить, все ли в порядке.

– Что там? – спросила она Софью.

– Не знаю, – ответила та. – Но эти звуки, эти запахи невыносимы.

Елена решительно толкнула дверь комнаты, и перед женщинами предстала неприглядная картина.

– Что с тобой? – спросила Елена Анатольевна.

Зойка замотала головой и замычала, не в силах оторваться от ведра.

– По-моему, у нее сотрясение мозга, – тут же определила состояние соседки Софья.

Вспомнив, как она ударила вчера шваброй по голове эту прелюбодейку, Елена с ужасом в глазах обратилась к Софье.

– Что же делать?

– Вызывать скорую помощь, – ответила та.

Телефона в квартире не было, пришлось бежать в дежурку к сторожу.

Приехавшая карета скорой помощи забрала несчастную Зою в больницу. Проводить ее поехали Софья и Володя, ее верный ученик и любящий ее мальчик. Правда, мальчику уже стукнуло 27 лет, и он работал в музыкальном театре, жил в общежитии, но по выходным дням возвращался к родителям. Воротниковы всегда с нетерпением ожидали свидания с сыном.

Елена осталась дома, чтобы убрать и привести в порядок квартиру. Помогала Нина.

А в полдень вся квартира узнала о начале Второй мировой войны.

Все внутренние неприятности и несчастья отошли в сторону. Всех объединила одна огромная общая Беда.

Из квартиры уходили на фронт трое мужчин: Иван Рябов и отец и сын Воротниковы.

Когда Софья собрала соседей на кухне, было решено искать Ивана.

Как и рассчитывали Семен Васильевич и Володя, в военкомате, куда они отправились сразу после того, как узнали о начале войны, они встретили Ивана Рябова. Стоя в очереди, мужчины и сообщили Ивану, что его ждут дома, чтобы по-людски проводить на фронт.

Получив документы, домой вернулись все вместе.

Нина встретила мужа без упреков и разговоров о его предательстве.

Вместе собрали чемодан и вышли к столу, который уже приготовили им женщины.

Расставание было печальным, но мужчины уверяли, что непременно вернуться живыми и здоровыми.

Софья вспомнила, как провожала своего жениха на фронт и как он точно так же просил за него не волноваться, но обязательно его дождаться.

Эта картина встала перед ее глазами, и она, удерживая слезы, просила уходящих на фронт мужчин беречь себя и писать как можно чаще.

Иван был даже рад такому повороту событий. Прощаясь, он поцеловал руку Софье Сергеевне и просил не оставлять его женщин без присмотра.

– Я на вас надеюсь, как на Бога, – сказал он. – И еще, простите меня великодушно, потому что вел я себя глупо, хотя, признаюсь честно, всегда мечтал, что мои женщины будут такими же, как Вы.

Софья лишь грустно улыбнулась в ответ и поцеловала Ивана в голову.

Она всех троих перекрестила со словами: «Храни вас Господь!».

На вокзале матери Владимира – Вере Ивановне – стало плохо с сердцем, и Софья, распрощавшись с отправляющимися на фронт мужчинами, увезла ее домой.

Ночью Софью вызвали в Смольный. Ее назначили руководителем группы стенографисток.

Теперь она уходила на работу с рассветом, а возвращалась поздно ночью.

7 сентября немцы взяли город в кольцо. Начались тяжелейшие для города 900 дней блокады.

Глава 4

Софья, пропадая целыми днями, а порой и ночами на работе, все же не могла заставить себя не думать о Зое.

Та находилась в больнице уже больше месяца, и Софья понимала, что с соседкой что-то не так.

Подстегивала ее к этим постоянным тревогам и Елена, не находившая себе места из-за чувства вины перед соседкой. Дважды она ездила с передачами к Зое в больницу, но та от встречи с ней отказывалась.

– Хоть бы с ребенком ничего не случилось! – со слезами на глазах делилась своими переживаниями Елена с Софьей. – Не поверишь. Я с утра до вечера молюсь, чтобы она скорее поправилась и ребенок родился здоровым!

В конце концов, отпросившись в обед со службы, Софья сама поехала в больницу.

Зоя вышла к ней вся отекая, убитая и молчаливая. Живот ее был уже хорошо заметен.

На вопрос о здоровье сказала, что головные боли стали меньше, но врачи отказались сделать ей аборт, сославшись на большой срок беременности.

– И какой же срок? – поинтересовалась Софья.

– Около шести месяцев, – ответила Зоя. – Но я все равно освобожусь от него! – с невероятным упрямством заявила она.

– Не боишься стать убийцей своего сына? – с горечью спросила Софья.

– Не боюсь, потому что и сама жить не буду!

От ее слов у Софьи мурашки пошли по всему телу.

– Зоинька, одумайся, что ты говоришь! Это такое счастье – родить сына!

– Почему сына? – вяло поинтересовалась Зоя.

– Я вижу по тебе, – ответила Софья.

– Впрочем, мне это безразлично, я все равно не буду его рожать, – категорически заявила Зоя. – Мне рассчитывать на помощь нельзя. Отцу он не нужен, мне тем более.

– А кто отец, Зоя? – не удержалась от вопроса Софья.

– Честно скажу, не знаю.

– Но ты так конкретно обвинила в причастности к этому Ивана, даже не подумав о том, что у него семья.

– У всех семья, – зло сказала Зоя. – Только у меня ее нет и не будет.

– У меня тоже нет семьи, но я всех вас считаю своей семьей, – заметила Софья. – А у тебя она уже есть, ты не одна, вы с сыном вдвоем, значит, у вас уже есть семья.

– Не старайтесь, Софья Сергеевна! Я устала, пойду в палату, лягу, – и она, не попросившись с Софьей, повернулась, чтобы уйти, но Софья схватила ее за руку.

– Зоинька, роди его, – попросила она. – Все вместе мы его поднимем, вот увидишь!

– И не надейтесь! – вырвав руку, женщина устремила в палату.

Софья не спала всю ночь. Вместе с Еленой они думали, как спасти Зою от греха и сберечь ее ребенка. Но так ничего и не придумали.

А через три дня Софье позвонили из больницы и попросили прийти кого-нибудь из родственников. Софья не могла уйти с работы, и поехала Елена.

Врач, лечащий Зою, сообщила, что больная пыталась ночью повеситься в туалете. Слава Богу, соседка по кровати, зная о желании Зои уйти из жизни, следила за ней и сообщила дежурной сестре, что Зоя давненько вышла из палаты и не появляется. Стали искать. Хорошо, вовремя сняли и отходили. С ребенком вроде тоже все в порядке.

– Ее лучше пока оставить у нас в больнице, – посоветовала она Елене. – За ней необходимо постоянно следить, у нее затянувшаяся депрессия. У нас все-таки всегда есть дежурные.

Елена согласилась с доктором, а что она могла поделать?

Софья выхлопотала для Зои дополнительный паек, как для беременной, и его доставляли в больницу. Главврач была очень признательна за это Софье.

В городе тем временем все больше людей умирало с голоду. Доктор даже намекнула Софье, что в создавшейся ситуации еще один едок городу не подарок. Что, может быть, и лучше бы сделать больной аборт.

– Но сроки слишком большие для этого, – удрученно посетовала она.

Пришлось Софье вновь обратиться к знакомому ювелиру.

На этот раз она отнесла ему старинный перстень с крупным изумрудом.

Борис Абрамович выслушал Софью и лишь головой покачал.

– Семейное сокровище хотите ради такой женщины навсегда утратить. Подумайте, голубушка, зачем вам это?

– Я вас очень прошу, Борис Абрамович, достаньте мне за это кольцо все необходимое для младенца, включая кроватку, ванночку и питание.

И старый ювелир не подвел. Все это богатство было доставлено в комнату Зое уже через день.

– Только бы Зоя не подкачала! – как заклинание твердили Софья и Елена.

Когда через месяц Зою выписали из больницы, приехав домой и увидев приданное для младенца, она вроде бы смирилась со своей участью. Но тем не менее за ней нужен был глаз да глаз. Софья работала чуть ли не сутками и обеспечить присмотр не могла. Нину забрали рыть окопы за городом. Мария тушила снаряды, попадавшие в их дом.

Елене пришлось приглядывать за Зоей. Но на помощь приходила Вера Ивановна, которая из-за болезни сердца редко выходила из своей комнаты, особенно после получения похоронки на мужа – Семена Васильевича. Но видя, как трудно приходится Софье и Елене, она стала даже ночевать в комнате Зои, рассказывая той, как она ожидала появления своего сыночка, с какой радостью кормила его грудью, следила за его развитием.

Постепенно между этими женщинами установились очень доверительные отношения, несмотря на разницу в возрасте, образе жизни и образовании.

Зоя успокоилась, прекратила свои попытки покончить с собой и даже стала проявлять интерес к приготовлению вещей для младенца. Они, беседуя с Верой Ивановой, вязали малышу шапочки, пинетки и кофточки, распуская свои старые вещи. Даже Елена Анатольевна была допущена в этот кружок.

Однако доносить ребенка до положенного срока Зоя не сумела. Вешая белье, она упала со стула, и у нее начались преждевременные роды. Сын родился семимесячным.

Начались жуткие морозы, отопление в доме отсутствовало, и водопровод тоже уже не работал.

Когда Зою с младенцем привезли домой, стало понятно, что в таком холоде семимесячный ребенок долго не протянет.

Софья, не задумываясь, отдала Зое свою буржуйку. Но печурку еще и надо было чем-то топить.

Борис Абрамович достал Софье двенадцать поленьев дров, но их хватило совсем ненадолго.

В ход пошла старая мебель, книги и все, что могло гореть.

Вера Ивановна и Елена практически переселились в комнату Зои. Тем более что той пришлось выйти на работу до окончания декретного отпуска.

В связи с уходом на фронт почти всех мужчин на заводе работали женщины, старики и дети по 12–14 часов в сутки.

У Зои и так почти не было молока, но после выхода на работу оно совсем пропало.

С ребенком сидели соседки, поочередно ходившие на реку за водой, чтобы накормить и выкупать малыша, у которого до сих пор не было имени.

– Пора зарегистрировать сына, – как-то находясь дома, сказала Софья Зое.

– Как ты его хочешь назвать? – спросила она.

Все притихли, ожидая ответа.

– Валерой! – ответила Зоя.

– Ну вот и чудесно, – с облегчением сказала Софья. – Завтра же следует сходить и получить на Валерика документы. Ему тоже паек полагается.

Голодные и промерзшие женщины дружно поддержали ее.

И тут раздался звонок в дверь. Софья пошла открывать.

В квартиру вошел офицер с вещмешком за плечами и небольшой печуркой в руках. Он обнял и прижал к себе Софью, и они прошли в ее комнаты.

Все замороженно и с любопытством смотрели друг на друга, не решаясь спросить: «Кто это?».

Гость пробыл у Софьи до полуночи, все что-то мастера и прилаживая, судя по ударам молотка и оживленным перемещениям Софьи из комнаты в чулан и обратно.

Потом она готовила на кухне чай, и они долго беседовали с гостем. В полночь Софья пошла проводить его до машины.

Все женщины тут же выскочили из комнаты Зои с вопросом:

– Кто это?

Софья с усмешкой смотрела на женщин.

– Угадайте! – смеясь, сказала она.

Но видя, что задачка им не под силу, обратилась к Елене.

– Но ты-то ведь прекрасно знаешь этого человека! – сказала она с укоризной.

– Я? – удивилась та. – Первый раз вижу! – заверила она соседей. – Но кто он? Не мучай, скажи, – обратилась она к подруге.

– Аркадий! – сообщила та. – Неужели не узнала? – с обидой спросила она Елену.

– Вот те крест! – перекрестилась та.

А Вера Ивановна улыбалась.

– Что, тот Аркадий, который все добивался вашей руки, Софья Сергеевна?

– Да, это он и есть. Он сегодня уезжает на фронт, – с гордостью за своего друга сказала Софья. – Вот привез и установил мне печурку. Теперь, Елена, ты сможешь спать у меня. Ну и подарочек нам привез, – радуясь и гордясь его добротой, сообщила она. – Прошу всех к столу, – и она широким жестом, которым всегда раньше приглашала гостей, обратилась к соседям.

В ее гостиной тлела остывающая печурка, и было намного теплее, чем на кухне. На столе стояли чайник и чашки, а на тарелках лежало по кусочку хлеба с маслом и по кусочку шоколада. До полночи пили чай, растягивая удовольствие, затем попросили Софью поиграть им на рояле. Вместе пели песни, угощались распечатанной пачкой печенья и были счастливы этим мгновением, хоть ненадолго возвратившим их к нормальной человеческой жизни.

Когда Вера Ивановна и Зоя ушли, Елена спросила:

– Аркадий опять просил стать его женой?

– Просил ждать его и писать ему!

– Ты обещала?

– Безусловно! – как само собой разумеющееся сообщила Софья.

Прошло еще два тяжелейших месяца. Зима никак не хотела сдавать свои позиции.

Как-то ночью, возвращаясь с работы, Софья подобрала двух детей, которым было по три-четыре года. Ни своего адреса, ни своей фамилии они не знали. Кое-как добились от них, что мама умерла, и они замерзли и ушли гулять одни, и что им очень страшно.

Елена растерла детей водкой, оставшейся у Софьи с лучших времен, согрела их, накормила пустым, из картофельной кожуры сваренным супчиком и уложила спать.

Разобрали они с Софьей, что одного зовут Сашенькой, а другого Виталиком.

Где искать их родных, женщины не знали. Решили, что Софья даст объявление на радио и в газету, может, кто откликнется.

– А пока нужно их приютить, – сказала Софья.

В квартире стало трое детей, не считая внучки Елены, которой исполнилось одиннадцать лет.

Весь свой паек, состоявший из хлеба и соленой воблы, Софья отдавала Елене, которая готовила суп из этой рыбы на всех обитателей квартиры.

Нина все еще работала на рытье окопов, и сердце Елены разрывалось от жалости и невозможности помочь ей хоть чем-то.

Раз в неделю Нина приезжала домой помыться и переодеть белье. Она никогда не ела дома, понимая, как голодно сейчас и взрослым, и детям. Но Елена постоянно старалась не съесть свою порцию и отложить ее для дочери. Раз в пару недель она добиралась к фронтовой полосе, чтобы принести дочери что-то из теплых вещей и немного еды.

Но однажды ночью Нину привезли домой на подводе. Одна рука перебинтована и висит на перевязи, в другой ведро с картошкой, которую она еле дотащила до подъезда.

Войдя в квартиру, Нина опустилась на пол, не в силах стоять, и потеряла сознание.

Софья, вышедшая на звуки открываемой двери, бросилась к ней. Она привела Нину в чувства с помощью нашатыря и стала разбинтовывать ей руку, расспрашивая, что случилось.

Елена тоже выскочила в коридор и, увидев раненую Нину, разрыдалась.

Софья на нее прикрикнула.

– Прекрати истерику! Дай лучше воды промыть рану и приготовь крепкий чай и хлеб.

Она умело занялась ее раной, усадила за стол, и пришедшая в себя Нина поведала им свою историю.

Оказалось, что вчера, копая окопы почти под носом у немцев, девушки обнаружили огороды дачников. Некоторые так и не были убраны осенью. Картошка на них, конечно, замерзла, но мороженая картошка лучше голода.

Поэтому Нина и еще одна девушка, Валя, решили ночью попробовать расковырять замерзшую землю и добраться до урожая, чтобы подкормить своих родственников.

Им повезло, на нескольких грядках земля оттаяла от сгоревшего рядом танка, и они выкопали картошку, набрав ее по целому ведру. Но немцы их засекли и стали стрелять.

Нине прострелили руку, а Валу убили. Сказав это, Нина заплакала.

– Меня подобрал местный дедушка, промыл рану и довез на телеге до дома. Валину картошку он забрал себе. Ему нужно было вернуться в артель на работу, поэтому донести до квартиры он не успевал.

Нина никак не могла успокоиться. Она очень боялась, что в полку хватятся ее и отдадут под суд за самовольный уход из части.

– Мне нужно до утра успеть вернуться, – повторяла она.

Рука у нее распухла и болела ужасно. Температура поднялась до 39,5 градусов.

Софья всю ночь звонила своему начальству, рассказывая, что ее дочь ранили, когда она копала траншеи, и необходимо срочно положить ее в больницу и освободить ее от этой работы из-за контузии, сообщив ее командованию о случившемся.

Только к пяти часам утра ей удалось получить добро и указание, в какую больницу везти Нину и к кому обратиться.

У Нины к этому времени температура перешагнула 40-градусную отметку, и началось заражение крови, как оказалось позже. Проводив Нину в больницу, Софья, так и не отдохнув, пошла на работу.

К счастью, Нину удалось спасти и ее руку тоже.

Вообще, несмотря на ужасный холод и голод, жильцы коммунальной квартиры все-таки бывали счастливы и оттого, что удавалось выжить, спасти детей, получать письма с фронта.

Последнее радовало особенно.

Чаще всех писал письма домой Владимир. Он писал матери и Софье.

Поскольку он служил вместе с Иваном Рябовым, тот был его комбатом, то он рассказывал о фронтовых новостях и за себя, и за командира.

Командира он расхваливал взахлеб, рассказывая о героических подвигах Ивана с гордостью и восхищением.

По его словам, Иван был самым выдающимся разведчиком на их фронте. Иван уже был старшим лейтенантом, и командование очень ценило его.

Сам Рябов о себе ничего такого не писал. Он больше интересовался, как себя чувствуют все домочадцы, постоянно просил Нину простить ему его грехи и всегда передавал привет Софье Сергеевны и теще.

Как-то, прочитав его письмо, Елена сказала Софье:

– Больше всего я рада, что Иван не отец Валерика.

– Ты посмотри на его мордашку. Он же вылитый грузинчик. Помнишь, к Зойке ходил одно время какой-то Ашот, кажется?

– Неважно, Валерик наш общий ребенок, и Сашенька с Виталиком тоже наши дети, – ответила Софья. – Ведь на мои бесконечные объявления о них так никто и не откликнулся.

– Конечно! – согласилась Елена. – Но мне жаль Нину. А так она хорошо относится к сыну Зою. В доме мир и понимание.

– Да и Зоя очень изменилась. Где что ни раздобудет, все отдает в общий котел.

– Вот и чудесно! – обрадовалась Софья. – Я тоже вчера письмо от Аркадия получила. Он передал его через своего товарища. Тот вчера был у нас в Смольном, принес две банки тушенки и буханку хлеба. Да еще три плитки шоколада. Но это для детей. Ну и так кое-что по мелочам. Я пока молчу, хочу нас всех порадовать на Восьмое марта.

Елена обняла Софью и спросила:

– Выйдешь за него замуж, если он вернется?

– Поживем – увидим, – ответила Софья. – Я ведь уже совсем старушка!

– Ты лучше всех молодых, и красивее, и добрее. Такого бриллианта, как ты, не найти! – заверила ее совершенно искренне подруга.

Глава 5

Шла вторая зима тяжелейшей блокады Ленинграда. Подчас казалось, что город вымер полностью. Но ленинградцы держались из последних сил. И не просто держались, а вели неустанную борьбу с потерявшим человеческое обличье противником.

После назначения на должность руководителя группы стенографистов у Софьи Сергеевны на квартире был установлен служебный телефон, и Софья выезжала на секретные совещания, часто проходившие на линии фронта, в любое время дня и ночи.

Как и все ленинградцы, она была так худа, что кроме прекрасных синих глаз от нее, казалось, ничего не осталось. Но сила духа этой женщины вызывала восхищение всех, кто ее знал.

Со стороны можно было подумать, что она слыхом не слышала, что такое голод и холод.

Приходя после суток изматывающей работы домой, Софья не укладывалась отдыхать, а старалась вникнуть в проблемы домочадцев и помочь им, чем только можно.

Вот и сегодня, не успев рано утром войти в квартиру и поздоровавшись с Ниной, спешащей до работы принести домой воду с реки, Софья, не раздеваясь, прихватила еще два ведра и санки и отправилась с ней вместе.

Когда женщины добрались до источника, там уже стояла большая очередь.

Впереди них стоял молодой, но совершенно изможденный мужчина с костылем вместо ноги.

Чувствовалось, что сил стоять на одной замерзшей ноге у него больше нет.

Софья тут же обратилась к нему:

– Вы бы присели где-нибудь, мы наберем вам воду и поможем довести. Вот у нас и санки есть.

Нина недовольно толкнула ее под локоть, давая понять, что они не справятся с этой задачей.

Мужчина тоже посмотрел на Софью неодобрительно.

– Я сам управлюсь, – голосом, не терпящим возражения, ответил он.

Софья поняла, что ее жалость оскорбила его, и притихла.

Очередь двигалась медленно. Изможденные голодом и холодом люди еле вытаскивали свои ведра из проруби.

Когда подошла очередь гордого молодого человека, его костыль поскользнулся на льду, и он почти полностью окупился в воду.

Стоявшие за ним Софья и Нина побросали свои ведра и устремились на помощь, еле вытащив парня из воды.

Они оттащили его от проруби.

Кто-то из очереди набрал их ведра и отнес поближе к хозяйкам.

Софья сказала Нине:

– Давай попробуем усадить его на санки и привязать, а ведра понесем в руках. Правда, придется по одному ведру оставить здесь.

Двое ребят-подростков помогли им привязать мужчину и его костыль к саням.

Нина взяла два ведра, а Софья впряглась в сани и подхватила ведро с водой пострадавшего.

Так и покатались по дороге, которой, казалось, не было конца. Но все-таки с постоянными остановками и передышками добрались до дома.

Больная и очень ослабевшая в последнее время Елена помогла втащить совершенно замерзшего и покрывшегося ледяной коркой мужчину в квартиру. Общими усилиями сняли с него одежду и стали растирать и закутывать его.

Софья распорядилась уложить его на кушетку в свою комнату, где обычно спала Елена.

– Поспим в одной кровати, – сказала она ей.

– Попробуй вызвать врача, – попросила она Елену, – но думаю, его не возьмут. Там такой же холод, как на улице, и никаких медикаментов!

Вся квартира ухаживала за пострадавшим инвалидом. Большой с температурой, зашкаливающей за 40, долго не приходил в себя, постоянно бредил.

В медчасти Смольного Софье удалось раздобыть 100 граммов спирта и пачку аспирина, но состояние больного оставалось прежним.

Врач, приехавший по вызову, сказал, что увозить в больницу его бесполезно, и если они не хотят его смерти, то желательно оставить его дома и достать пенициллин.

Но где его взять, вот в чем вопрос.

Софья сняла с руки свои золотые швейцарские часики и попросила Нину постараться выменять на них на базаре лекарство.

Три дня Нина проторчала на толкучке, но пенициллин так и не достала. А больному становилось все хуже.

Пришлось Софье вновь идти к Борису Абрамовичу. И старый ювелир достал необходимое лекарство. Чрез три дня больной наконец-то очнулся и смог назвать свое имя.

Глава 6

Целую ночь длилось заседание военного совета, и Софья уже еле держалась на ногах.

Наконец, к трем часам дня начальник Софьи, Алексей Георгиевич, по старой привычке всегда называвший ее Сонечкой, распорядился всем ехать по домам, оставив в группе двух дежурных.

Софья, уже одетая, стояла в кабинете, когда раздался звонок и, подняв трубку, она услышала голос их телефонистки Наташи:

– Софья Сергеевна, вас спрашивают из Волховского военного госпиталя.

– Кто? – устало поинтересовалась Софья.

– Какой-то Воротников Владимир Семенович! Соединить?

– Господи! Что с ним? Соединяй скорее! – чуть не крича, сорвалась Софья.

Удивленная Наташа, знавшая Софью Сергеевну как образец выдержки, с интересом соединила, а сама застыла у аппарата.

Софье же эти секунды показались вечностью, в которую она страстно молила Бога, чтобы с Володенькой ничего плохого не случилось. Но в трубку сказала очень сдержанно:

– Слушаю вас.

– Софья Сергеевна! – радостно прозвучал дорогой голос. – Это я, Володя.

– Солнышко мое, как ты, почему из госпиталя? – не сдержав волнения, задала сразу два вопроса Софья. У нее перехватило горло, и глаза наполнились слезами. Сказывались, по-видимому, бессонные сутки работы.

– Я в госпитале, в Волховстрое.

– Ты ранен серьезно? – почему-то шепотом, боясь услышать что-то страшное, спросила она.

– Да, был ранен, уже оперировали. Не волнуйтесь, все позади, – стараясь бодриться, ответил Владимир. – Только маме ничего не говорите. У нее и так больное сердце, – попросил он. – Как вы все там? Если бы вы знали, как я по всем вам соскучился!

– Сколько тебе еще лежать? – спросила Софья.

– Пока не знаю. Врачи об этом даже говорить не желают.

«Значит, что-то очень серьезное!» – пронеслось в голове Софьи. Сердце сжалось от боли и тревоги за любимого мальчика, самого дорогого и близкого из всех детей квартиры.

Но разговор она продолжила совершенно спокойно.

– Володенька, какой же ты молодец, что позвонил мне! Не волнуйся, маме мы пока говорить ничего не будем. А сама я постараюсь вырваться к тебе обязательно.

– Нет, нет! – воскликнул он. – Ни в коем случае, это очень опасно для вас! Ладога уже начала таять! Очень вас прошу, Софья Сергеевна, не нужно так рисковать. Я жить не стану, если с вами что-то случится! Не нужно, Софья Сергеевна!

– Хорошо, хорошо, не волнуйся! – успокоила его Софья. – Расскажи мне о ранении.

– Ой, я больше не могу говорить. Но я так счастлив, что услышал ваш голос. Берегите себя! Привет и поцелуйи всем, особенно маме, но не говорите, что я в госпитале! – и отключился.

Софья в слезах бросилась к Алексею Георгиевичу.

Тот выслушал ее с вниманием и пониманием и стал дозваниваться главврачу госпиталя. Выслушал все, что тот сказал, и сообщил следующее:

– Ранение тяжелое, но уже все позади. Лежит уже больше месяца.

– Помогите мне его навестить, Алексей Георгиевич, я должна его видеть. Он мой крестный сын. Я крестила его тайно на квартире, без ведома его родителей, когда ему было три годика. Для меня он больше, чем сын, я всегда считала себя в ответе за него, а теперь, когда погиб его отец, Семен Васильевич, тем более. Если я его не увижу, я не прощу себе этого.

– Это очень опасно, Сонечка! Я бы на твоём месте не стал так рисковать. Ведь парень идет на поправку, а самолеты долетают один из пяти. Вот и подумай, сколько тревоги и нервов ты нам будешь стоить.

– Ну пожалуйста, Алексей Георгиевич, я вас очень прошу!

– Хорошо, я договорюсь с летчиками. Завтра или послезавтра тебя возьмут на борт. Но, может, ты все-таки послушаешь меня, Сонечка?

Она отрицательно покачала головой.

– Ну, иди, отдыхай, я тебе позвоню.

Софья пошла к двери.

– Постой, – остановил ее начальник. Он быстро подошел к сейфу и вынул из него маленький сверточек.

– Возьми! Нельзя к раненому без гостинца.

– Что это? – спросила Софья.

– Пять мандаринчиков, один летчик из Грузии привез. Хотел своих порадовать, но обойдётся.

– Я не возьму! – категорично заявила Софья.

– Ну, значит, и не полетишь! – невозмутимо ответил начальник.

– Вы просто шантажист какой-то! – жалобно сказала Софья и, зная своего начальника, с которым никогда не спорила, взяла сверток и вышла из кабинета.

В пять утра ее разбудил телефон.

– Подъем, Сонечка! – услышала она усталый голос начальника. – Сейчас за тобой заедут и отвезут к самолету. Но знай, седины на моей голове по твоей милости станут еще больше!

От волнения Софья не знала, как благодарить его.

– Ты почему молчишь, Соня, – насторожился начальник. – Может, одумалась наконец-то?

– Поверить не могу в это счастье! Боюсь, не сон ли это! – наконец проговорила она.

– Не сон. Собирайся быстренько, машина, наверное, уже у подъезда! – и он отключился. «Видно, так и не уходил домой, уже какие сутки подряд», – подумала Соня и стала собираться.

Через час Софья уже была в госпитале.

Владимир не мог прийти в себя от радости и удивления.

– Как я мечтал о встрече с вами, Софья Сергеевна, – сказал он.

Начальник госпиталя разместил их в своем кабинете, распорядившись подать завтрак на двоих прямо в кабинет.

Долго Софья рассказывала Владимиру обо всех изменениях в их жизни, потом устроила ему экзамен на знание языков, которым обучала его в детстве, и они, переходя с одного языка на другой, беседовали, забыв о времени и всем на свете, не заметив даже, что им уже подали обед.

Прощаясь, окрыленный и явно смущенный Владимир протянул Софье небольшой паке-тик.

Развернув его, Софья ахнула от восхищения. В нем оказался тончайший оренбургский пуховый платок.

– Примите от меня в подарок, – попросил он. – Я его выменял на тушенку и возил везде с собой, на груди. Но при ранении на него, к сожалению, попало несколько капель крови. Простите, ради Бога! – смущенно сказал он.

Софья со слезами на глазах поцеловала подарок и сказала:

– Это самый дорогой подарок в моей жизни! Я буду носить его не снимая.

Она обняла Владимира и попросила беречь себя и писать как можно чаще.

Матери Владимир попросил передать валенки, которые ему достала медсестра госпиталя Валя по его просьбе, и письмо.

Обратно Софья долетела удачно.

Когда Вера Ивановна получила подарок от сына и рассказ о встрече с ним, она сказала Софье:

– Я ведь мать, Сонечка, и все понимаю. Мой сын влюблен в вас с самого детства. Он никогда не женится, потому что будет искать женщину, подобную вам, и вряд ли найдет. Я всю жизнь ужасно ревновала своего сына к вам, но мы с Семеном, глубоко уважая вас, старались не подавать вида. Я знала, что если постараюсь отдалить от вас сына, то потеряю его навсегда.

– Ну что вы, Вера Ивановна, Володенька мне всегда был как сын и не более того.

– Но вы для него никогда не были просто мамой, а эталоном женщины, которую он может полюбить.

В этот вечер женщины долго говорили о Владимире, жизни и скорой победе, строили планы на будущее...

Глава 7

Пришедший в себя мужчина, спасенный женщинами у проруби, наконец-то смог назвать себя.

Дорохин Вячеслав Владимирович. Возраст – 35 лет.

Ногу потерял в первые дни войны, добираясь в Ленинград из Белоруссии, где отдыхал в санатории. Добирались в толпе беженцев из охваченных уже пожаром городов и сел. Столько горя и смертей пережил он за это время, что вместе с двумя парнями, такими же отдохавшими в санатории, постоянно лез в схватки с попадавшимися небольшими группами немцев.

Однажды они ворвались в их штаб, оставленный при небольшом поселке. Завязалась неравная схватка, его подстрелили при отходе, и мальчишки из оставленного села спрятали его в подвале старой мельницы. Пока нашли взрослых жителей, у Вячеслава началась гангрена, ногу пришлось ампутировать в самых антисанитарных условиях. Кое-как отходили, но даже потеряв ногу, он добирался домой в Ленинград.

За год блокады Вячеслав потерял мать и брата, остался один на всем белом свете.

Такую грустную историю поведал им этот человек.

– Я так мечтал умереть, – печально сказал он. – Зачем вы столько сил потратили на такого ничтожного человека, как я.

Сказав это, он вдруг заплакал, как ребенок. Отвернувшись, уткнулся в подушку.

Но то добро, которое жило в сердцах спасших его людей, не могло не оставить следа в его душе. И потому, поправляясь, Вячеслав старался быть полезным этим людям.

Он целыми днями возился с детьми: Сашенькой, Виталиком и совсем еще маленьким Валериком и помогал женщинам по дому.

Софья, озабоченная его судьбой, устроила его сторожем на завод.

Там ночами он мастерил для детей игрушки, перешивал свою одежду мальчикам.

Вячеслав так искусно шил детские вещи без машинки, на руках, что удивленная Софья как-то спросила его, откуда у него это умение и такой удивительный вкус.

– Так, я же модельер-технолог по профессии, – ответил он.

– У мальчишек совсем холодные, уже рваные ботиночки, – заметил он грустно. – Мне бы найти где-нибудь старые валенки, я бы им такие «бурочки» сшил, – мечтательно заявил он.

– Если удастся, в выходные схожу на толкучку, поменяю свой новый костюм на валенки, если получится.

Софья вышла из комнаты, где они разговаривали, и долго копалась в кладовке. Появилась она раскрасневшаяся и довольная, неся пару громадных старых валенок.

– Вот! – сказала она, – валенки есть, но они протертые, от нашего дворника остались.

Вячеслав забрал валенки к себе домой и не появлялся две недели. Женщины уже решили, что парню явно не до них и детей.

Но когда через две недели Вячеслав представил результат своего труда в виде двух пар замечательных детских сапожек, или «бурочек», как он их называл, обшитых кожей, которую он добыл, распоров свои ботинки, весь женский состав квартиры ахнул.

Это были не просто валеночки, а произведение искусства.

– Жаль, – сказал Слава, как его теперь называли в доме, – нет хороших вещей, я бы для мальчишек из них сшил пальтишки и шапочки. Я бы им такие наряды закатил, весь свет удивился бы.

И он показал рисунки одежды, которую он придумал для малышек.

Софья, взглянув на это чудо, сказала:

– Пошли!

Она привела его в комнату своего отца и распахнула шкаф, где хранились вещи адмирала Арсеньева.

– Берите все, – разрешила Софья, – кроме двух этих мундиров: парадного и последнего, в котором папа был в тот роковой для него день. Я свято относилась к его вещам, но сейчас, я думаю, даже просто уверена, папа мое решение одобрил бы.

И Вячеслав стал обшивать всех домочадцев квартиры, стараясь быть им нужным всегда.

Мальчики так полюбили дядю Славу, что даже стали называть его папой.

Софья радовалась, что Вячеслав Владимирович оказался таким талантливым человеком, а он для нее старался особенно.

К женскому дню Софья получила от него презент: удивительные кожаные на меху сапожки, расшитые необыкновенной строчкой. Когда она появилась в них на службе, начальник спросил:

– Откуда такое чудо?

– Из сапог моего папочки, сшитые талантливейшим модельером.

И она поведала историю Вячеслава Алексею Георгиевичу.

– Будет работать в нашем ателье, – принял решение Алексей Георгиевич.

Так изменилась судьба инвалида, желавшего уйти из жизни, заводского сторожа Вячеслава Владимировича Дорохина.

Впоследствии он стал известнейшим и очень востребованным модельером Ленинграда.

Глава 8

В конце 1943 года Софья была озабочена здоровьем своего друга – Елены Анатольевны.

Елена была так слаба, что почти не поднималась с постели. За ней по очереди ухаживали Вера Ивановна, тоже еле поднимавшаяся с кровати, но тем не менее дежурившая у постели Елены днем. Ночами ее сменяли Нина и Мария.

Мария уже сама ходила за водой и пайками, готовила все тот же суп из соленой воблы, старалась кормить бабушку. Но Елена почти совсем ничего не ела.

Софья выхлопотала консультацию врача-профессора, но тот лишь развел руками.

– Нужны хорошие продукты. У нее полное истощение организма.

– Ей бы сейчас куриного бульончика хотя бы по ложечке в день, – с горечью произнес он. В ход пошло обручальное кольцо родителей Софьи.

Борис Абрамович сумел выменять на него сухой яичный порошок и три килограмма муки.

Из этого богатства готовили бульон с клецками.

Однажды вечером Софья пришла домой значительно раньше обычного.

Она тут же разогрела бульон и села кормить Елену. Той в этот вечер стало легче, и она слушала рассказ Софьи о делах на фронте, о письмах Аркадия и Владимира, о награждении орденом Ленина и присвоении звания Героя Советского Союза майору Ивану Рябову и улыбалась.

Все домочадцы, видя такое улучшение в самочувствии Елены, собрались у ее постели. Даже дети сидели и слушали разговор взрослых.

Софья поила бульоном Елену, поправляла ей подушки и после этого сказала, что нельзя так сильно перегружать больную, послав всех спать. Она и сама задремала у ее постели.

Проснулась она от того, что больная положила свою руку ей на руку.

– Что, Леночка? – спросила еще не пришедшая в себя от дремы Софья. – Что болит?

Елена посмотрела на нее каким-то особенным, добрым и лучистым взглядом.

Она приподнялась на постели и тихо проговорила:

– Спасибо тебе за все! Прости, если... – и, не договорив, упала на подушки.

Ее рука так и осталась в руке Софьи.

Разбудив всех взрослых в доме, Софья послала Нину за священником. Еще раньше Елена просила, чтобы ее обязательно отпевали в церкви. Договорились со священником отпеть умершую через два дня.

Таким образом, Софья выполнила просьбу Елены, хотя ей это могло стоить не только работы, но и свободы.

Почти перед самым Новым, 1944 годом все население коммуналки по предложению Софьи и Вячеслава Владимировича готовилось устроить для детей новогоднюю елку.

Дядя Слава сумел каким-то чудом выменять маленькую елочку на сшитые им детские ботиночки.

Софья достала старинные елочные игрушки, и елку украшали все вместе, но без детей. Готовили им сюрприз.

Еще Софья Сергеевна подготовила целый концерт, в котором участвовали и дети, и взрослые.

31 декабря на кухне наметилось оживление. Из остатков муки пекли пирог с мороженым картофелем, доставшимся в обмен на пластинки.

Когда все собрались в комнатах Софьи и приготовились к встрече Нового года, раздался стук в дверь, и открывшая дверь Вера Ивановна, обычно очень тихо говорившая, закричала:

– Софья Сергеевна, к вам пришли!

Первое, что увидела Софья, выскочив в коридор, был букет роз, торчащий из-за двери.

Потом появился и хозяин этого чуда, Аркадий. Он обнял Софью и вручил ей букет, поздравляя ее и всех присутствующих с наступающим Новым годом.

Но главное, он привез еду. Несколько банок американских сосисок и ветчины, хлеб и шоколад для детей. У него нашлась и фляжка со спиртом, который он разлил по железным кружкам.

– Фронтвые сто грамм!

Но, к сожалению, отпроситься у начальства он смог лишь на одни сутки.

Но зато какими счастливыми были эти сутки!

Провожали Аркадия всей квартирой.

Аркадий сказал, что не позднее февраля блокада будет полностью прорвана.

Это случилось 27 января 1944 г.

Глава 9

Несколько дней из жизни Софьи Сергеевны

24 февраля 1942 г.

Софья никогда не была кисейной барышней. Она не падала в обмороки, не бежала от малейших жизненных трудностей, не пряталась от них за спинами других людей, не бросала друзей и близких в трудную минуту.

Дочь боевого адмирала, она шла по жизни прямо и честно, смотря в глаза людям. Но боль подчас совершенно чужого, незнакомого ей человека могла лишить ее сна и покоя.

Боль за судьбы жителей ее родного города, огромной страны не утихала в ее сердце с момента начала войны, усилилась еще больше в период блокады Ленинграда, которую она переживала вместе со всеми.

На годовщину Красной армии она в составе группы командования посетила несколько позиций ополченцев. Увиденное произвело на нее самое удручающее впечатление, точнее, просто потрясло ее.

Эти люди, истинные патриоты своей Родины, не обмундированные должным образом, практически не вооруженные ничем, кроме бутылок с зажигательной смесью, не задумываясь, отдавали свои жизни, защищая свой город и находясь в самых ужасных условиях.

Штабеля убитых, сотни раненых, совершенно истощенных, но не сдающихся солдат стояли перед ее глазами, не позволяя забыть о себе и буквально разрывая ее сердце от боли и сострадания.

Вернувшись в Смольный и поднимаясь по лестнице в свой кабинет, она почувствовала резкий укол в сердце и потеряла сознание.

Очнулась она в медпункте. Возле нее сидели врач Ольга Николаевна и непосредственный ее начальник Алексей Георгиевич.

От стыда за свою слабость Софья не могла смотреть на них.

Хорошо знавший ее принципиальность в отношении к себе, Алексей Георгиевич прекрасно понимал ее чувства. Поэтому, не углубляясь в услышанные относительно ее болезни диагнозы, он строго по-военному обратился к Софье:

– Сейчас вас отвезут домой, Софья Сергеевна. Как я понимаю, в госпиталь ложиться вы не захотите. Или все-таки полечимся как следует? – задал он ей вопрос.

Софья отрицательно покачала головой.

– Приказываю вам, Софья Сергеевна, отлежаться в домашних условиях двое суток и постараться привести в порядок свое здоровье, насколько это возможно.

Софья попробовала возразить, но начальник не терпящим возражения тоном продолжил:

– У нас прорва работы. Ваша шифровальная группа будет задействована во всех операциях. Нам нужны здоровые и выносливые люди. Кроме того, вы, очевидно, в курсе того, что приказы начальства не обсуждаются, а выполняются. Так что извольте выполнять!

Затем, обратившись к доктору, добавил:

– Ольга Николаевна, машина у подъезда. Проводите, пожалуйста, Софью Сергеевну домой и уложите ее в постель. Снабдите всем необходимым для ее быстрого восстановления,

прежде всего медикаментами. Дополнительное питание уже в машине. Когда вернетесь, загляните ко мне с отчетом!

Он улыбнулся врачу, давая понять, что строгость его рассчитана только на Софью.

– Будет выполнено, товарищ полковник! – отчеканила с улыбкой Ольга Николаевна.

Вот при таких обстоятельствах, несмотря на нескончаемый поток все новых заданий, которые следовало выполнить срочно и грамотно, Софья Сергеевна получила два дня отпуска.

Зная беспокойный характер пациентки, доктор перед отъездом сделала больной укол успокоительного действия, и Софья Сергеевна уснула.

Возле ее постели тотчас устроилась обеспокоенная ее состоянием соседка и подруга Елена, чтобы наблюдать и, в случае необходимости, помочь, чем нужно, ночью, когда все болячки, как известно, обостряются.

Софья проснулась в пять утра. За окном господствовала непроглядная тьма. Воспоминания о том, что с нею произошло, терзали ее. Она считала себя чуть ли не дезертиром, возложившим на плечи других сотрудников свою работу и проблемы.

Но, проанализировав ситуацию, она подумала, что, располагая свободным временем, она может освободиться от одной занозы, сидевшей в ее сердце.

Поэтому, помучавшись еще около часа в постели, она тихо, стараясь не разбудить задремавшую подругу, поднялась и, пошатываясь от слабости, стала собираться в дорогу. Правда, за окном все еще стояла та самая, беспросветная тьма.

Однако ее ухищрения относительно Елены оказались напрасными, и соседка, ахнув, спросила:

– Куда это ты, моя милая, собралась ни свет ни заря?

Софья слабо улыбнулась, присела на кровать, обняла и поцеловала Елену.

– Понимаешь, друг мой, сидит у меня в сердце одна заноза. Вот хочу, пользуясь случаем, ее вытащить, тем более что сделать это нужно было давно, а у меня просто не было времени. А поскольку лежать колодой даже сутки я просто не смогу, попытаюсь решить эту проблему.

– Что за заноза? – спросила подруга. – Если не секрет, конечно!

– Не секрет! Уже больше года я не видела и ничего не слышала об Илье Максимовиче. Ты должна помнить его. Это наш часовщик.

– Да, я помню и его, и его папашу. Они всегда осматривали все приборы у нас в доме, и ты права, что-то Илюша пропал из поля зрения. А я тоже забыла о нем, – сказала Елена. – Но одну я тебя все равно не отпущу. Они же где-то у черта на куличках живут. И не думай даже!

– Пойми, Илья уже в возрасте, он одинок, возможно, беспомощен, с одной рукой-то. Меня это ужасно мучает. Я должна узнать, все ли у него в порядке.

– Значит, пойдем вместе, – твердо заявила Елена. – Это во-первых! Во-вторых, измеряем давление и принимаем лекарство! В-третьих, завтракаем! У меня остался вчерашний супчик из мороженой картошки. Ну и морковный чай.

За скудным завтраком Елена спросила:

– Слушай, а почему у них какая-то странная фамилия. Кстати, а как их кличут? Я что-то не могу припомнить.

– У них немецкая фамилия – Штерн. Они из обрусевших немцев. Еще их прадед был приглашен в Россию для обслуживания морских приборов. У папы на корабле вся аппаратура находилась под постоянным контролем Максима Ивановича.

В нашем доме он бывал постоянно, обслуживая часовую коллекцию моего папы, заодно и налаживал всю домашнюю технику, которая была у нас. Он всегда приводил с собой своего сына – Илью.

Я помню, как они пришли к нам, когда мне было восемь лет. Папа увел Максима Ивановича к себе в кабинет, а меня попросил развлекать Илью, накрыть стол и угостить гостя

чаем. Илья был очень красивый. Высокий, стройный, зеленоглазый, с вьющимися светлыми волосами.

Кроме того, он был очень воспитанный. Хорошо владел несколькими языками. Мы беседовали с ним на французском, он помогал мне накрывать на стол. В общем, они были нашими близкими друзьями, как говорил мой папа.

И вот всю последнюю неделю Илюша снился мне, и я очень обеспокоена неизвестностью о нем. Как подумаю, что с ним что-то случилось, а я не пришла на помощь, не могу ни спать, ни есть.

– Почему он не женился? – спросила Елена.

– Знаешь, Илюша окончил университет и работал где-то инженером. После того как, испытывая какой-то прибор, он потерял руку (ему ампутировали кисть), он стал считать, что не имеет права связывать кого-либо, поскольку он – инвалид.

– Да, грустная история! – подытожила разговор Елена.

Подруги быстро собрались, Софья захватила с собой свой дополнительный паек, выданный ей по случаю болезни, кое-какие медикаменты, спички и даже несколько щепок для растопки печки, взяла бутылку воды и несколько глотков спирта.

Елена слила в баночку остаток супа и тоже прихватила с собой.

– Ты будто на фронт собралась, – пошутила она над Софьей, столь тщательно собирающейся к Илье.

– Это еще одна заноза в моем сердце. Фронт! После всего увиденного я вот думаю, что бы еще продать и закупить хоть сотню пар валенок для наших ополченцев. Но этим я займусь завтра. Придется опять обращаться к Борису Абрамовичу. Только он сможет помочь мне.

– Ты бы, Софьюшка, – покачала головой соседка, – хоть немного о себе подумала.

– Сейчас для этого не самое лучшее время, – ответила Софья. – Если бы все сейчас думали только о себе, немцы уже вошли бы в Ленинград и полностью уничтожили его. Спротивляясь, мы спасаем Москву и всю страну. Вон сколько сил этот шизофреник бросил на нас.

Женщины вышли на улицу в ледяную тьму, и Елена, с опаской поглядывая на Софью, спросила:

– Ты уверена, что с тобой все в порядке и ты сможешь добраться до цели? Не забывай, что у тебя предынфарктное состояние, врач предупредила, чтобы ты вообще два дня не вставала.

– Со мной все в порядке, – беспечно ответила Софья, хотя ее пошатывало от слабости.

Добирались они мучительно долго, попали под обстрел, начавшийся перед рассветом. Перебегая с одной стороны улицы на другую, постоянно натываясь на трупы людей, собак, крыс, несколько раз падали. У Софьи были разорваны на коленках чулки, одна коленка распухла и жутко болела.

Но наконец женщины достигли цели своего путешествия. Звонок в квартире не работал, но дверь оказалась не запертой, она сама распахнулась перед ними, как будто приглашая войти.

Софья посветила фонариком и обнаружила еще одну дверь, через которую они очутились в жилом помещении. Однако, подняв головы кверху, незваные гости обнаружили над собой небо. В потолке зияла огромная дыра, а в углу на кровати кто-то лежал под невероятной кучей одеял и полушубков. Ужас охватил их обеих.

– Неужели умер? – прошептала Елена.

Софья нащупала фонариком тот край кровати, где располагалась закутанная в несколько платков голова. Попавший лежащему на кровати человеку в глаза луч заставил его простонать:

– Кто вы?

– Илья Максимович, – продолжая светить в лицо лежащему, обратилась к нему Софья.

Он открыл глаза и еле слышным голосом прошептал:

– Ангел, Софьюшка, я знал, что вы придете.

Больше говорить он не мог, не было сил, но по щекам его текли слезы.

Софья наклонилась к нему и поцеловала в лоб.

– Илья Максимович, вы можете встать? – спросила она, с болью и трудом узнавая в этом обтянутом кожей скелете бывшего красавца, умницу, интеллигента до мозга костей Илью Максимовича.

Он попробовал встать, но тут же упал как подкошенный.

– Совсем оставили меня силы, – еле слышно проговорил он.

– А почему никто из коллег не посещает вас? – спросила Софья.

– Институт, в котором я работал последнее время, эвакуировали, а я не мог оставить свой город. Пытался попасть в ополчение, но такой инвалид, как я, никому не нужен. Хотя я прекрасно управлялся и одной рукой. Тушил на крыше снаряды, возил воду в госпиталь. Но месяц назад у меня украли карточки, вот я и ослаб.

Он говорил медленно и очень тихо, расходуя на это последние силы.

– Все понятно, Ильюша! – Софья нежно погладила его по лицу. Мы отвезем вас сейчас в госпиталь. Я видела в коридоре большие сани.

Женщины разогрели воду, припасенную Софьей, напоили несчастного. Разогрели принесенные остатки супчика и очень осторожно покормили им Илью Максимовича.

Затем уложили и вынесли во двор сани, вынесли на руках и самого Илью. Он был легким, как ребенок. Везли его невероятно долго. Каждые полчаса давали по ложечке разогретой воды, которая к концу пути превратилась в лед.

В госпитале принимать больного отказались, он был битком забит такими же несчастными. Здесь буквально яблоку некуда было упасть.

Слава Богу, Софье удалось из госпиталя дозвониться до своего врача, чтобы попросить ее о помощи.

Ольга Николаевна пришла в ужас от поведения своей пациентки. Она грозилась доложить начальству немедленно о нарушении Софьей приказа лежать, но будучи человеком добрым и отзывчивым на чужую беду, сумела прислать за ними машину и уложила в свой лазарет Илью на несколько дней.

– У него, – сказала врач, – очень тяжелый случай дистрофии, и я опасюсь самого худшего. Поэтому будем добиваться его эвакуации в Волхов.

Но Илью еще следовало уговорить на это. Софья пообещала ему, что, как только наступит улучшение, она сама заберет его обратно и устроит на работу.

– Ваши золотые руки очень нужны нам и в ополчении, и в армии. Вы способны починить, собрать и разобрать любую технику, что в современных условиях очень важно и нужно. Я постараюсь убедить в этом свое начальство. За вами, Илюша, еще бегать будут и умолять, чтобы вы им что-то починили, настроили или собрали.

После этого Илья сдался.

– Главное, – сказал он, – внести хоть скромный вклад в дело Победы!

Приходить в себя ему пришлось восемь месяцев. Но потом Софья забрала его и устроила на работу. Все ее пророческие слова сбылись.

Но в этот день, 24 февраля 1942 года, ей еще пришлось повоевать с Ольгой Николаевной, чтобы та отпустила ее домой, пообещав выполнить все предписания врача в оставшиеся в ее распоряжении еще одни сутки.

6 марта 1942 г.

И если чем-нибудь могу гордиться,

То, как и все друзья мои вокруг,

Горжусь, что до сих пор могу трудиться,

Не складывая ослабевших рук.

Горжусь, что в эти дни, как никогда,

Мы знали вдохновение труда.

Берггольц О. Ленинградская тетрадь

15 февраля в газете «Ленинградская правда» писалось: «...Местная промышленность и артели, объединенные Госпромсоветом, наряду с безукоризненным выполнением заказов фронта выпустили в последнее время многие десятки тысяч огнетушителей, печей-временок, ведер, кипятильников, самоварных труб, массу противопожарного оборудования и арматуры...

Очищены от снега, мусора и нечистот полностью или частично дворы в 335 домах Октябрьского района. В 150 домах Смольненского района утеплены водопроводные трубы, и население этих домов теперь обеспечено водой.

Введены в строй водопроводные трубы в 150 домах Дзержинского района».

Совершенно обессиленные, измученные голодом и холодом жители города в это ужасное время всеми силами помогая фронту, стремились восстановить и очистить Ленинград.

Не обращая внимания на постоянные бомбежки и обстрелы, ставшие неотъемлемой частью их жизни, как мороз или дождь, эти истинные богатыри русского духа совершали трудовые подвиги, вкладывая в свой труд бесконечную любовь к своей Родине и ненависть к ее врагам.

В своей коммунальной квартире Софья вместе со всеми жильцами участвовала в очистке двора и улицы. Но поскольку на работе ей приходилось находиться с утра часов до 2–3 ночи, то свои обязанности по уборке она перенесла на шесть часов утра.

Ее радовало, что все ее домочадцы поднялись также рано, несмотря на слабость или занятость, и дружно взялись за дело, без каких-либо разговоров о своем состоянии здоровья.

Вышли все: Софья, Елена, ее дочь Нина и внучка Мария, совершенно ослабевшая Вера Ивановна и даже пришедшая ночью после тяжелейшей рабочей смены на заводе Зоя.

При этом все просили Софью спокойно идти на работу, говоря, что сделают все сами, зная о недавно случившемся у нее сердечном приступе.

Но Софья сказала, что этот труд ей в радость. Да, трудноато держать лом в руках и пробивать снег, лопатой и метлой собирать на сани и отвозить мусор, но радостно, что назло врагу они не сломлены, едины, тверды в своем стремлении победить и сохранить свой город.

– Тем более, – сказала она, – что руководство города разрешило устраивать огороды повсеместно, в том числе на площадях, вдоль улиц, в скверах и парках. Мы вырастим с вами картофель, лук, морковь. Нам никакая блокада будет не страшна.

Софья, преодолевая слабость и дурноту, с трудом поднимая лом, сгибаясь под его тяжестью, старалась не показывать свое реальное состояние. Она шутила, напевала песни, улыбалась, буквально вливая силу в своих ослабевших, больных и измученных голодом соседок.

Грязный снег, утрамбованный под панели стен, казался чугуном. Но женщины долбили его.

Работали из последних сил, с одной мыслью: «Только бы не свалиться».

Когда очистили свой двор, вышли за ворота и стали убирать улицу, начался обстрел. Громкоговоритель, установленный на перекрестке двух улиц, ожил, объявив, что начался артиллерийский обстрел района и население просят укрыться.

В подтверждение этому объявлению на противоположной стороне улицы громыхнул разорвавшийся снаряд. Но никто не бросился бежать, женщины спокойно продолжали свое дело, перебрасываясь между собой то шуткой, то обсуждением своих житейских проблем.

Проходивший мимо солдатик предложил свою помощь и, забрав лом у еле стоявшей на ногах Веры Ивановны, начал быстро и деловито долбить лед.

– Мы заговоренные от их железок, – шутил он, показывая на вражеские огневые точки, – а они все подохнут у стен Ленинграда. Это я вам, бабоньки, обещаю.

В половине девятого Софья была вынуждена покинуть подруг, ей пора идти на службу, где ее ждет непочатый край работы, тем более что сегодня она задержалась с разрешения начальника, чтобы принять участие в уборке своего двора и улицы. И хотя Софья старалась

не показать своей слабости, храбрилась и улыбалась, еле удерживая в руках лом и лопату, но войдя в свою комнату, чтобы переодеться, она села на стул, закрыла глаза и ощутила такую усталость и разбитость, что минут десять не могла подняться. У нее кружилась голова, дико болели спина и разбитое колено, грудь была стиснута, как тисками, она не могла продохнуть. От этой обессиленности она расплакалась, прекрасно понимая, что сейчас не время, но не будучи в состоянии овладеть собою.

О ее болезни и истинном самочувствии знала лишь Елена, поэтому она почти сразу сделала перерыв в работе и заглянула к Софье.

Увидев подругу в слезах и совершенно разбитую, она спросила:

– Соня, вскипятить чаю? У меня есть немного цикория. Может, он тебе поможет взбодриться? Лекарство не забыла принять? – спросила она.

– Все в порядке, не волнуйся, дорогая. А цикория я, пожалуй, выпью.

Софья поднялась и стала переодеваться. Через несколько минут они с Еленой уже пили «кофе».

И хотя на службе Софья предупредила начальника, что придет к десяти часам, все же решила прийти пораньше, чтобы все подготовить как следует к предстоящей работе.

В девять часов она вышла из дома.

Проходя мимо соседнего двора, она чуть не столкнулась с женщиной, выбежавшей с безумным лицом на улицу в одном халатике и усевшейся на какой-то обломок, отвалившийся от стены, не замечая никого и ничего вокруг. Казалось, она не ощущает холода, хотя на улице все еще держалась минусовая температура.

Софья, спешившая на работу, не смогла пройти мимо ее горя. Остановившись возле странной женщины, она спросила ее:

– Что случилось?

Но женщина не заметила ее и не услышала ее вопроса, она находилась в полной прострации.

Софья стала тормошить ее, но та никак не реагировала. Наконец, прибегнув к старому проверенному способу, похлопав ее по щекам, Софья вывела женщину из невменяемого состояния и узнала, что у нее умирает дочь, совсем маленькая девочка, у нее дистрофия. В доме нет ни еды, ни тепла. В больницу не берут, в эвакуацию еще не подошла очередь.

– Я больше не могу это видеть. Лучше я замерзну тут, но не увижу мертвой свою малышку.

Софья попросила женщину успокоиться, пойти одеться и вместе с ней отправиться на ее работу.

– Я постараюсь помочь вам, но я уже опаздываю. Оденьтесь, возьмите дочку с собой. Если хотите, я помогу вам собраться.

Женщина вдруг встала перед ней на колени прямо в снег голыми ногами и стала целовать руки Софье.

– Только помогите, я буду обязана вам всю жизнь!

Софье еле удалось поднять ее с коленей и повторить, что им следует спешить.

Наконец, забрав с постели ребенка и одев находящуюся на грани помешательства маму, Софье удалось вывести их на улицу и быстрым шагом, чтобы отвлечь женщину от ее горя, довести до Смольного.

Здесь прежде всего она повела их в медсанчасть. Дежуривший сегодня доктор Василий Евгеньевич был давним приятелем Софьи, и она попросила его оказать посильную помощь ребенку и мамаше. Сама же сразу отправилась к своему начальнику хлопотать об их дальнейшей судьбе.

Алексей Георгиевич успокоил Софью, пообещав с ближайшей машиной отправить их в эвакуацию, но напомнив Софье, что сегодня очень много работы и придется заниматься делами до самой ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.